

Мы возвращались домой,
день был жарок и прян –
июль обретал равновесие,
акробат на температурном столбе.

Мы искали дорогу в тени,
чтобы спрятать себя от огня,
долгожданного и нестерпимого,
глупые человечки, не знаем, чего желаем.

Земляная тропа между деревьями
поросла травой, которая переносила
тяжесть шагов, словно йог,
и вновь выпрямляла спину.

Мы едва заметили у подошв
маленькое черное тельце,
падшую птичью душу
с обреченно раздвоенным рыбьим хвостом.

*Кажется, стрижи не взлетают с земли, –
это ты, –
их надо поднять на ладони,
чтобы крылья воздух поймали –*

вот так.

...Мы сидели на балконе под самой крышей
и не слышали ни ярости автомобилей,
ни ругани соседей снизу,
только даль щебетала о невозможном.

И солнце уходило
за новостройки и краны,
за далекое полосатое поле,
за крикливой стрижиной стаей,
за новой радостью.

– Сфотографируй меня на краю!
Над Мисхором, где движется только небо,
мы стояли, инопланетяне в северной синеве
кожи, не успевшей обжечься о южные угли,

и смотрели вниз, прикидывая траекторию,
время полета до пестрых кишасших крыш
в вагончике фуникулера при отсутствии прочих опор,
кроме пола и поручня, кажется, тоже лишних.

Мне хотелось купить – как это правильно называть? –
тюбетейку, феску с кисточкой наперевес,
потому как присутствие ощущалось
гораздо отчетливее, чем предзакатный ветер –

слишком явственно: схватишь щелбан, проспоров.
Мы посмотрели вверх. У лица вились комары,
а за ними – даль, из которой не вырвать ни взгляд, ни слово,
сколько слов в ожидании ни говори.

Мы сидели тогда в скверике
неподалеку от молодого Ленина и автостанции.
Было тепло, как будто лето уже наступило
и не надо тянуть еще три недели.
Лавку напротив занимала пожилая пара,
дожидаясь транспорта
в цивилизованный мир.

За покосившейся балкой под крышей
пищали голубиные потомки,
соловей разносился над парковкой.
И прямо перед нашими лицами прошуршал майский жук.
– Котик, –
твой голос донесся издалека, –
просто котик.
Годы проводит личинкой в земле,
чтобы прожить свой единственный май.
Вечное дитя, которое старится в один момент...

По белому кеду полз муравей.
«Так супрематично», – подумалось мне
и все испортило.

Если я когда-нибудь научусь...
каждое дерево на своем пути,
зверя и птицу, мелькающих на периферии взгляда...

даже насекомых –
не давить научусь, а сажать на ладонь
этих майских жуков, чтобы цеплялись лапками
за кожу и доверяли,

если смогу так –
это твоя любовь меня научила.

Когда ты забираешь меня
в очередное далекое
приключение –
будь то Лопатинский сад,
Красный Бор,
поездка к твоим в район;
или еще дальше –
в питерские музеи,
карельские сосны,
крымские горы,
кавказские дебри,
туда, куда мне еще можно,
где снегурочка не растает,

я мысленным шепотом –
обязательно шепотом, чтобы не испугать –
повторяю:

спасибо

за таинство ожидания,
за предвосхищение неизведанного,
за незнакомый воздух в легких, делающий меня легче,
за все чужое, которое станет своим,

за неожиданный дом
в хостеле или квартирке,
палатке на берегу,
домике под яблоней или айвой,
за всех переглаженных кошек и выслушанных птиц,
за пейзажи,
штришком которых нам посчастливилось быть
хотя бы несколько секунд,

за скорби, оставленные где-то в дороге.